

ГЛАВА 22. ЧТО В СЕРДЦЕ ТВОЁМ, ЧТО В СЕРДЦЕ МОЁМ

Бай Ичэнь пришёл в себя только к полуночи. Жар спал, и теперь по капельнице в вену медленно цедилося противовоспалительное. Ань Но спал рядом, привалившись к краю кровати.

Первой, что увидел Бай Ичэнь, была макушка Ань Но — тёмные волосы, стриженные под короткий «ёжик». Жесткие, прямые, они торчали в разные стороны, словно подчёркивая строптивый нрав своего хозяина. Ичэню давно хотелось их потрогать. Он был уверен: такая щетина наверняка колет ладонь, вызывая то самое щекочущее чувство в самой глубине души. Прежде чем он успел осознать, что делает, его левая рука с закреплённой иглой уже коснулась головы Ань Но.

Он и впрямь почувствовал щекотку в сердце.

Ань Но проснулся мгновенно. Профессиональная бдительность не позволяла ему спать крепко, к тому же, пока этот глупый Сяо Бай метался в бреду, он и вовсе не смел сомкнуть глаз. Подняв голову, он столкнулся с взглядом Бай Ичэня. Взгляд того лишился привычного блеска — подернутый влажной дымкой, он таил в себе нечто такое, чего Ань Но не мог разгадать.

Бай Ичэнь слабо улыбнулся:

— Брат Ань, спасибо тебе.

Ань Но в последнее время всё острее не выносил этого слова — «спасибо». Он непроизвольно нахмурился, в голосе проскользнуло раздражение:

— Пустое! Не за что тут благодарить!

Бай Ичэнь медленно, очень медленно убрал руку. Он отчётливо видел, как Ань Но нахмурился, и почувствовал его досаду.

«Ну и ладно, — с горькой усмешкой подумал Ичэнь. — Мне уже не так плохо. Видно, неделя самоистязания прошла не зря».

Ань Но взял со столика стакан — он купил его в больничном киоске всего час назад. Больному с высокой температурой нужна тёплая вода, поэтому он плеснул кипятка из термоса и разбавил его наполовину минералкой из бутылки. Затем подошёл к изножью кровати, подкрутил рычаг, чтобы приподнять изголовье, и, когда Бай Ичэнь принял полусидячее положение, протянул ему воду.

Ичэнь потянулся за стаканом правой рукой, но Ань Но вдруг отёрнул его обратно. Сначала он сам отпил глоток, проверяя температуру, и только после этого снова подал стакан, проговорив сурово:

— Пей всё. Чтобы ни капли не осталось!

Бай Ичэнь проигнорировал и его каменное лицо, и резкий тон. В голове, словно на повторе, крутилась одна и та же сцена: как Ань Но пробовал воду. Сжимая стакан ладонями, Ичэнь чувствовал, как тепло разливается по всему телу, проникая в самую душу.

«Вот оно, каково это — когда о тебе заботятся», — подумал он.

Глядя на то, как на губах Бай Ичэня расцветает улыбка, Ань Но почувствовал, что взволнован. Сяо Бай смотрел на этот несчастный стакан так, словно перед ним была любовь всей его жизни — нежно и с тихой радостью. Ань Но вспыхнул от гнева. Гнев, который, казалось, только что утих, в одно мгновение взметнулся до небес.

Он вырвал пустой стакан из рук парня, с грохотом поставил его на стол и рявкнул:

— Бай Ичэнь, какого чёрта ты довел себя до такого состояния?!

Вообще-то Ичэнь и сам задавался этим вопросом. Все эти двенадцать лет он был один. О нём мало кто заботился, редко кто спрашивал, как дела. Одиночество стало частью его естества, он привык быть сам по себе. Когда Ань Но относился к нему как к брату, Ичэнь ликовал — мечта сбылась. Но если теперь Ань Но видел в нём лишь коллегу, разве не следовало принять это со спокойной душой? В конце концов, всё просто вернулось к истокам. О чём тут горевать?

Но, быть может, именно потому, что он познал это тепло, терять его было так мучительно?

Впрочем, владел ли он им на самом деле?

Бай Ичэнь смотрел в пылающее гневом лицо Ань Но и вдруг задумался: «А правда ли брат Ань когда-нибудь считал меня младшим братом?»

Кажется... нет.

При первой встрече он меня подкалывал.

Потом я его спас, он угостил меня ужином, шутил со мной.

Потом помог устроиться в «Пылающее искушение»... и продолжил подкалывать.

А потом он целую ночь прождал меня у ворот управления полиции. В ту ночь мне совсем не было страшно!

Похоже, в этом не было ничего особенного. Точно так же он подкалывает Сяо И или Линь-цзы.

Бай Ичэнь почувствовал себя последним дураком, который просто принял желаемое за действительное.

Видя молчание Ичэня, Ань Но окончательно потерял самообладание. Он всегда гордился своей выдержкой, но рядом с этим парнем превращался в импульсивного мальчишку! Он и представить не мог, что сердце будет так болеть. И уж точно не ожидал, что так стремительно провалится в пучину безответной любви.

— Бай Ичэнь, я с кем разговариваю?! — снова рявкнул Ань Но. Он протянул руку, грубо схватил парня за подбородок и заставил поднять голову, чтобы тот встретился с его яростным взглядом.

Ичэнь послушно встретился с ним взглядом. Подбородок отозвался острой болью. Он моргнул и тихо спросил:

— Брат Ань, почему ты так злишься?

Ань Но на мгновение опешил и оттолкнул его руку:

— А как мне не злиться?! Посмотри, во что ты превратился! Мы как-никак коллеги и братья, мне тошно на это смотреть!

Несмотря на то что жар спал, голова у Бай Ичэня всё ещё шла кругом. Мысли путались, и слова, которые он всю неделю держал в себе, невольно сорвались с губ:

— Брат Ань, так всё-таки — коллеги или братья?

— А есть разница? Ты, я, Чжэн Жуй, Линь-цзы и Сяо И, все остальные — мы же все братья!

— «Коль судьба свела нас братьями, к чему родство по крови», — вполголоса процитировал Бай Ичэнь. — Только вот у меня никогда не было братьев.

Эта тема выводила Ань Но из себя. Он снова заговорил на повышенных тонах:

— Бай Ичэнь, ты мне так и не ответил! Как ты умудрился так докатиться?!

Бай Ичэнь глубоко вздохнул и на удивление быстро успокоился. Факт, который он осознал ещё неделю назад, подтвердился вновь. Странно, но теперь это не казалось таким болезненным... Видимо, физическая боль и впрямь способна заглушить душевную.

— Вчера после смены я попал под дождь.

— Не мели чуши! Когда ты закончил работу, дождь ещё даже не начинался! — Ань Но был вне себя. Этот мальчишка нагло врёт!

— Нет, я... я вчера задержался, вернулся поздно, — замялся Бай Ичэнь.

— Задержался? Вчера? И так ты вкалывал всю неделю, верно?! — услышав про переработки, Ань Но тут же вспомнил ту сцену, которую застал на днях: щуплый паренёк разгружает фуру, таская ящики с напитками. Сверхурочные? Ты, восемнадцатилетний сопляк, какие, к чёрту, сверхурочные?! Что ты творишь?! Жить надоело?

— Ну... и-иногда... — Ичэнь начал заикаться. Он не понимал причины такой ярости, но Ань Но в гневе выглядел пугающе.

— Бай Ичэнь, предупреждаю: если так приспичило сдохнуть — валяй, только делай это подальше от меня! Не смей корчить из себя мученика и мозолить мне глаза! Ещё раз так подставишься — пусть хоть замертво там падёшь, я и пальцем не пошевелю! — в запале выпалил Ань Но.

Кто такой Бай Ичэнь?

Сирота, который в одиночку прокладывал себе путь, натерпевшись и горя, и обид. Будь он слабее духом, давно бы сломался. Он выжил лишь благодаря своему упрямству и стальной воле. И пусть сейчас он был едва жив от болезни, пусть высокая температура выжгла почти все силы, но упрямство, впитавшееся в кровь и плоть, никуда не делось. Оно вскипело в нём в тот же миг.

Бай Ичэнь тоже разозлился.

— Хорошо! Брат Ань, виноват, не стоило мне тебя утруждать. Как поправлюсь, угощу обедом в искупление вины. В следующий раз я обязательно сдохну где-нибудь подальше, вне радиуса десяти километров от тебя. Вас такой расклад устроит?

Ичэнь, с покрасневшими от жара глазами, посмотрел недобро. Он так сильно стиснул зубы, что на его исхудавшем лице проступили желваки, очертив резкую, острую линию. Сейчас он походил на раненого волчонка, готового вцепиться в горло любому, кто причинит ему боль, кем бы тот ни был.

Ань Но с силой зажмурился. Только это удерживало его от того, чтобы сгрести Бай Ичэня в охапку и поцелуем заткнуть этот невыносимый, колючий рот.

— Бай Ичэнь, — процедил Ань Но сквозь зубы, — не наглей. Если бы мне было на тебя плевать,

стал бы я так беситься и изводиться?!

— Да у тебя просто климакс начался! Откуда мне знать, чего ты орёшь!

Ань Но задохнулся от возмущения. Наконец, не выдержав, он обхватил лицо Ичэня ладонями, заставляя смотреть на себя:

— Бай Ичэнь, говори правду: ты в долги влез? Зачем тебе столько денег, что ты себя не жалеешь?!

Голова Ичэня была зажата в тиски его рук. Он чувствовал сухие и тёплые ладони Ань Но. Когда они касались щек, возникало едва слышное шуршание. Ичэнь вспомнил их вторую встречу, когда он привез Ань Но в больницу накладывать швы. Тогда Ань Но закрыл ему глаза своей рукой, и Ичэню показалось, что кожа его ладоней напоминает мягкий лён — уютный и надёжный. Это ощущение быстро утихомирило его гнев. Обида на то, что его якобы бросили, отступила. Руки Ань Но давали ему чувство защищённости, будто он был драгоценностью, которую бережно держат в ладонях.

«Бай Ичэнь, хватит валять дурака, — сказал он себе. — У тебя мозг от температуры расплавился, раз ты в каждом встречном братьев ищешь».

— Я никому не должен, — ответил он ровно и бесстрастно, словно обращаясь к незнакомцу.

— Тогда зачем вкалываешь как проклятый? — этот вопрос Ань Но задавал не раз, но ответа так и не получил.

— Брат Ань, я не ворую и не граблю, закон не нарушаю. В ресторане работаю — медкнижка есть. В супермаркете честно таскаю грузы, не ленюсь. В баре тоже ни одного клиента не обидел и ни одного стакана не разбил. И я искренне не понимаю, с чего ты так заводишься, — Ичэнь сделал паузу, глядя на онемевшего от такой отповеди Ань Но, и опустил глаза. — К тому же, даже если ты мой коллега, я имею право не отвечать на твои вопросы.

Ань Но видел, что парень просто дуетса. Каким бы стойким и жизнерадостным ни казался Бай Ичэнь, он оставался восемнадцатилетним юношей, которому не чужды детские обиды и капризы. Ань Но и сам понимал, что срывается на него только из-за своих чувств — когда любишь, становишься требовательным и нетерпимым. Он сотни раз твердил себе держать себя в руках, но всё впустую. Стоило увидеть измождённого, больного Ичэня, как внутри всё закипало. Если бы Бай Ичэнь просто сказал пару ласковых слов, ну или хотя бы приврал, улыбнувшись: «Ладно-ладно, брат Ань, обещаю, больше не буду!», вся эта буря улеглась бы в один миг.

Но Бай Ичэнь был не из таких!

Ань Но искренне не понимал: «Неужели тебе так трудно хоть раз пойти на попятную?»

Бай Ичэнь и сам понимал, что ведет себя по-детски. Он не знал, почему именно на Ань Но он так легко обижается, но видеть его гнев было невыносимо. Он любил того Ань Но — языкастого, иногда наглого, но тёплого и надёжного. Сейчас Ичэню было до слёз обидно: он, больной, из последних сил обратился к нему за помощью просто потому, что рядом с ним чувствовал себя в безопасности. Разве он, как больной, не имел права на каприз? А вместо сочувствия Ань Но лишь раздраженно орал и велел «сдохнуть подальше».

Сказал, что я ему «глаза мозолю»!

Ичэню показалось, что его снова окатило ледяным дождём, на этот раз — пополам со снегом.

Ань Но промолчал. Он действительно не знал, что сказать. Раздражённо похлопав себя по карманам, он выудил пачку сигарет, выбил одну и уже потянулся было зажигалкой, но вовремя вспомнил, что находится в палате. Взъерошив волосы ещё сильнее, он буркнул: «Пойду покурю», — и вышел вон.

Если бы Бай Ичэнь хоть раз в жизни влюблялся или хотя бы знал, что такое тайная страсть, он бы понял: такое поведение Ань Но — самое прямое доказательство того, как сильно он за него переживает. Будь Ичэнь чуть проницательнее, он бы спросил себя: «Раз он так бесится, может, я для него значу нечто большее?»

Но прошедшие восемнадцать лет не дали ему такого опыта.

Поэтому он просто закрыл глаза, глядя на то, как Ань Но с выражением крайнего отвращения на лице скрывается за дверью.

Он не плакал. Просто не мог.

«Ань Но, — тихо спросил он в пустоту, — ты вернёшься?»

Спустя час в палату ворвался запыхавшийся Сяо И и плюхнулся на край кровати:

— Сяо Бай! Ещё не спишь? Ну, принимай смену, я сегодня с тобой дежурю.

Лицо Ичэня застыло. Он так долго смотрел на дверь, что шея затекла, а он чувствовал, как колет в глазах от боли.

— Брат Сяо? А ты как тут? — он обнаружил, что так и не набрался смелости спросить: «А где брат Ань?»

— Да этот паршивец Ань Но! Вытащил меня среди ночи из тёплой постели, говорит — выручай, мол, дело срочное появилось, никак не может остаться.

Бай Ичэнь вдруг улыбнулся — так светло и радостно, будто и не было никакой обиды.

— Брат Сяо, ну-ка опусти мне кровать. Ваш покорный слуга Сяо Бай изволит почивать!

Сяо И шутливо отвесил ему несильный подзатыльник:

— Вот ведь засранец!

Ичэнь притворно качнул головой от удара:

— Эй! Ты что, не для того пришёл, чтобы мою постель согревать?

Сяо И прыснул:

— Да ты никак в Ань Но пошёл! Такой же наглец, всё бы тебе над людьми измываться.

— Да неужели? — улыбка Ичэня стала ещё шире. Он поудобнее устроился на подушке. — Брат Сяо, я сплю. Присмотри, пожалуйста, за капельницей.

— Да спи уж, не беспокойся. А как проснёшься, расскажешь мне, как тебя угораздило так разболеться. — Сяо И ласково взъерошил волосы парня и вдруг заметил, что тот выглядит заплаканным. — Сяо Бай, ты что, плачешь? Чего глаза красные?

— Больно надо! Это от жара! — Бай Ичэнь быстро натянул одеяло до самого носа и отвернулся к стенке. — Всё, я в отключке, больному нужен сон.

Но он так и не смог заплакать. Хотя сердце ныло так, что хотелось выть.

<http://bllate.org/book/18167/1751482>